

Мэри Демут

ТОЖКОЕ
МЕСТО

ИЗДАТЕЛЬСТВО

ВИССОН
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Санкт-Петербург, 2011

ВВЕДЕНИЕ . УДИВИТЕЛЬНАЯ МОГИЛА

Еще в детстве я осознала, что душа моя находится в плену цыплячьего тела: ножки тонкие, как спички, а костлявые колени при ходьбе стучаются друг о друга. Врач велел мне пить жирное молоко, чтобы я поправилась. Другие дети дразнили меня *жержью, щепкой и палкой*.

Я сама почти что тонкое место.

Кельты верили, что существует некое *тонкое место*, где встречаются небо и материальный мир, вечность и повседневность. Это своего рода мембрана между двумя мирами, подобная кальке, через которую мы видим силуэт вечности, — образу не хватает четкости, но мы различаем то, что находится за ней.

Такие места — клочки святой земли, разбросанные по разным уголкам нашего мира. Если мы внимательно к ним присмотримся, то увидим в них отражение вечности. Легенда гласит, что там паломники слышат призрачные голоса давно ушедших людей, и наши предки шепотом передают свою мудрость у руин какой-нибудь церкви или скалистого утеса. Таким образом, тонкое место — древняя дверь в потусторонний мир. Дети легко верят в это причудливое объяснение, а взрослые считают его нелепым.

Может, я слишком увлеклась, воображая, что такие места можно найти на земле. В конце концов, я ведь сочинительница, которая блуждает в созданных ею мирах. Но все же мне хочется верить, что врата в вечность существуют. Я часто представляю себе двери Нарнии, которые зовут меня двигаться вперед и вверх. Я бы хотела развить метафору и уподобить их своеобразным шлюзам времени — мгновениям, когда мы безошибочно чувствуем присутствие Бога в нашей жизни. Это мгновения прекрасных прозрений: Сын Божий прорывается сквозь густой туман будней и озаряет нас ясным светом.

Я была тому свидетельницей и расскажу вам об этом.

* * *

Когда я узнала, что бабушка больна раком, который терзал ее тело, но освобождал душу, я тут же полетела к ней, прекрасно понимая, что, возможно, мы возьмемся за руки в последний раз. Сварливая женщина смотрела на меня с неким вызовом. Но еще отчетливей в ее взгляде читалась грусть. Бабушка словно уменьшилась в размерах. В тот момент я бы очень хотела обладать такой же смелостью благовестника, как другие неистовые проповедники, чтобы обрушить на нее поток замечательных библейских слов и рассказать о красоте Иисуса. Но эти слова будто застряли у меня в горле. Вместо того чтобы благовествовать, я играла с ней в карты. Мы со смехом вспоминали, как я жила у нее летом. Я стала приходить к бабушке, я брала ее за руку, говорила ей о своей любви.

Вместе с ней я ходила на игру в бинго и страдала от удушающего дыма и раскаленного отчаяния, которые переполняют игровой зал. Когда ведущий выкрикивал буквы и цифры, а люди, одной ногой стоящие в могиле, ставили печати на карточках, я думала, что если бы Иисус спустился на землю, Он бы задержался в этом игровом зале, с любовью глядя на людей, которым остается надеяться только на то, что они сорвут пятисотдолларовый джек-пот.

Перед отъездом я запаниковала. Телепроповедник Билли Грэм кричал мне в ухо: *«Ты должна рассказать ей о Евангелии! Рассказать о Евангелии!»* Я молилась о том, чтобы он замолчал. И услышала чистый голос Святого Духа. *«Помолись за нее»*, — сказал Он.

— Можно я помолюсь за тебя перед уходом? — спросила я.

— Конечно, — тихо и робко ответила она. — Я только рада.

Я молилась о том, чтобы она почувствовала неослабевающую любовь Иисуса, которая освободит ее от боли. Пусть бабушка знает, что Он видит ее страдания. Я просила Его облегчить ее ношу. Когда я сказала *«аминь»*, бабушка посмотрела на меня сияющими глазами. Мне на ум пришли слова из Священного Писания: *«...так как вы сделали это одному из*

сих братьев Моих меньших, то сделали Мне», то есть, помогая тем, кто попал в беду, я служу Самому Иисусу.

Я заплакала.

Бабушка тоже.

Мы обнялись.

Я уходила с тяжелым сердцем. Почему я не стала проповедовать Евангелие? Приехав домой, я снова помолилась и ясно почувствовала: Господь хочет, чтобы я написала ей письмо и как на духу рассказала о своей жизни, Иисусе, Его благотворном прикосновении и прощении, которое Он дарует в любую минуту. У меня было чувство, что я провалила экзамен по основам богословия. Однако я послала ей письмо.

Немного позже я ей позвонила.

— Спасибо за письмо, — прохрипела она.

— Пожалуйста, — робко ответила я.

— Нет, ты не понимаешь, — продолжила бабушка, — оно мне очень, очень понравилось. Я перечитывала его снова и снова. Спасибо, что написала.

Задыхаясь, я сказала, что люблю ее, и повесила трубку.

Через несколько дней она испустила последний вздох.

* * *

Я стою у могилы бабушки — зияющей глинистой ямы в земле штата Огайо. Гроб с телом покачнулся на краю. Ветер бьет мне в лицо, обдувает со всех сторон. Тощие деревья тянут голые ветки к небу, словно умоляя о солнечном свете. Я вспоминаю об игре в бинго, молитве, письме. Я не знаю, свиделась ли бабушка с Иисусом, но меня подмывает затянуть в священной тишине гимн об удивительном милосердии Господа. Ветер воеет, на деревьях трещат ветки.

О, благодать! Спасен Тобой

Я из пучины бед...*

* Начальные строки всемирно известного христианского гимна «Amazing Grace» (букв. «Удивительная благодать»), написанного английским поэтом и священнослужителем Джоном Ньютоном (1725–1807). — *Примеч. ред.*

Другие люди мне подпевают. Мой голос искажают рыдания.

Кладбище в Огайо — тонкое место. Бросив взгляд на полупрозрачное, как бумага, ненастное ноябрьское небо, я вижу улыбку Иисуса. Следы Божьего присутствия повсюду — в священном соединении тоски и радости. Я чувствую себя Иаковом. Кому-кому, а ему хорошо было известно, что такое тонкое место. Положив голову на камень, Иаков грезил о лестнице в небо, на которой танцуют ангелы, приближаясь и удаляясь от Бога. Ему приснилось, что Бог назвал его патриархом. Он обещал не оставлять его. Проснувшись, Иаков произносит: «...истинно Господь присутствует на месте сем; а я не знал!»

Господа можно узреть в любую минуту. Он спускается на землю, чтобы утешить. Иногда я вижу Его, но чаще иду привычной дорогой, не замечая призрачную завесу, которая нас разделяет. Об этом поет Маргарет Беккер:

Я знаю, что стена между нами
Тоньше листа бумаги.
Почему же, почему же
Я не могу ее сломать?
Стены такие тонкие,
Но я продолжаю
Царапать по ним ногтями!

Это как раз про меня. Я переживаю священные минуты, но понимаю это лишь впоследствии. Я скребу ногтями по шрамам моей жизни, потому что мне невдомек, для чего Господь обрекает меня на страдания. Я не подозреваю, что если сделаю передышку, то увижу Его образ в каком-нибудь тонком месте. Господь улыбается мне сквозь завесу трагедий, красот, поразительных событий, будничных моментов и эпизодов, на которые я не обратила внимания.

...Был мертв и чудом стал живой,
Был слеп и вижу свет*.

* Продолжение гимна «Amazing Grace». — *Примеч. ред.*

« С Т У Д Е Б Е К Е Р »

Когда мне было четыре года, закон о ремнях безопасности еще не приняли. Я, скорчившись, сижу на полу полуразвалившегося «студебекера» и почти прижимаюсь глазом к ржавому полу. Там — очень кстати! — зияет дырка размером с мое колено. Время от времени я бросаю взгляд на Джима. Почему-то в детстве я никогда не называла его отцом. Лысину прикрывает кепка из комиссионки, из-под нее выбиваются каштановые кудри. Сегодня воскресенье, и мы едем в гости. Джим за рулем, а значит, нас ждут удивительные приключения. Он смотрит на дырку и с улыбкой кивает. Джим не возражает, чтобы я разглядывала улицу. От его глаз в разные стороны разбегаются лучики морщин.

Я снова склоняюсь над дырой. Внизу бежит серый асфальт. Перед моим восхищенным взглядом проносятся долгие мили и целые улицы. Вселенная пролетает мимо, останавливаясь, когда отец нажимает на тормоза. Я как-то поделилась этими воспоминаниями, но взрослые все испортили: они негодовали и обвиняли Джима в том, что из-за его беспечности я могла лишиться глаза.

Когда я почти прижималась глазом к ржавому полу «студебекера», я ничего не слышала о Боге. В детской груди томилось желание узнать того, кто правит пробегающими внизу улицами, поддерживает скорость, с которой крутится мир, и резко останавливает его, нажимая на тормоза.

* * *

Обычный день в пятом классе. Я занимаюсь привычными делами: решаю примеры с дробями, пишу диктант или читаю. Вдруг по «интеркому» раздается голос секретаря: «Мэри, немедленно иди в канцелярию». Я вздрагиваю, раз-

личив в голосе тень тревоги, собираю вещи и выхожу из классной комнаты. Тяну время, догадавшись, что в конце коридора меня ждет страшный секрет. Жизнь больше никогда не будет прежней.

В одиночестве я бреду по коридору, разглядывая кирпичную стену и считая шаги. Недалеко от кабинета меня обожгла мысль: отец умер. Не знаю, как и почему я это узнала. Возможно, коридор с кирпичными стенами — тонкое место, где Всемогущий нежно предостерег меня. Как только я увидела лицо матери, то сразу все поняла.

Мы забираемся в зеленую машину, припаркованную «носом» к зданию, и мама подтверждает мои догадки:

— Твой отец умер.

После развода с Джимом мама дважды выходила замуж, и я решила уточнить, о каком отце идет речь. О Джиме, которого я навещаю каждое воскресенье? От него мне досталась худая, долговязая фигура. Или о первом отчине, разбиравшем двигатели в гостинной? А может, о том, кто теперь женат на матери? В глубине души я знаю, о ком идет речь, и все же спрашиваю:

— Кто именно?

— Джим, — отвечает она. Мама не знает, как успокоить пораженную горем пятиклассницу. Она даже не дотрагивается до меня. Мы едем в магазин электронных товаров. В то время карманные калькуляторы только-только появились в продаже.

— Выбери, — с мокрыми глазами говорит она, прикрывая грудь скрещенными руками, словно щитом. Я пробегаю пальцами по металлическим кнопкам калькулятора и передаю его маме. Продавец кладет его в пакет и вручает мне. Я знаю, что такого калькулятора больше нет ни у кого в классе. Я первая получила калькулятор и лишилась отца.

Вторая жена Джима овдовела. У нее огромный живот. Его дочь появилась на свет уже после того, как он его оставил. Она тоже осиротела.

После смерти отца мне все время снился сон, что Джим живет в Африке. Он скучает по мне, но в остальном вполне

счастлив. Он ухаживает за садом и строит хижины за тридцать земель отсюда. Во сне я пытаюсь схватить его за руку. Он улыбается, и морщинки у глаз растворяются в черной пустоте.

Почему я представляю, будто Джим живет в Африке? Дело в том, что никто не дал мне вразумительного объяснения, как и почему он умер. «В доме произошел несчастный случай», — твердят взрослые. Они шушукуются, когда я вхожу в комнату, бросают на меня жалостливые взгляды. Я придумала историю, которую рассказываю и сейчас, если кто-нибудь проявляет назойливый интерес: «Отец упал с лестницы, ударился головой о бетонный пол и истек кровью». По-моему, логично. В доме есть крутая лестница, которая ведет в сырой подвал. Увидев бетонный пол, я быстро смекнула что к чему и изобрела правдоподобное объяснение. Оно помогло мне пережить долгие годы неведения, пока я не добралась до правды.

Я гляжу на закрытый гроб и думаю об этом, сидя в первом ряду церкви. Гроб большой и холодный. Я плохо запомнила тот день. Кажется, все пели гимны и были одеты в черное. Незнакомые люди обнимали меня со слезами на глазах. Страшно бледная вдова. У нее такой огромный живот, что кажется, будто она вот-вот родит. В тот день меня все любили. Купали в нежности и внимании. Шептались поблизости. Но в школе меня встретила противная училка. Однажды она укорила меня в притворстве и выгнала из класса.

— Я жалела тебя, потому что твой отец умер, но пора бы тебе уже успокоиться, — прошипела она.

Я вернулась в пустой дом, чтобы делать уроки, ужинать, смотреть телевизор и плакать, пока не засну. А потом мне приснился Джим в Африке. Все потому, что я никогда не видела его мертвым.

Когда я шла в школу одна, то постоянно оглядывалась: я боялась, что на меня нападет незнакомец и задушит. Я бежала от невидимых преследователей. Я со всех ног неслась домой и, запыхавшись, запирала за собой дверь. У меня не было сомнений, что я — следующая жертва. Если своенравный перст Бога, покрутившись над земным шаром, ткнул в лысую голову моего отца, я была уверена, что Он заберет и меня.

Так я начала молиться.

Странно, но именно смерть Джима внушила мне мысли о Боге. Я научилась молиться, увидев гроб отца. Наверное, у меня возникло подспудное желание заменить отца новым Джимом, чтобы он прижал меня к груди и уверил, что все будет хорошо. Я надеялась, что им станет Бог. Поздно вечером, натянув на голову одеяло (даже в десятилетнем возрасте я продолжала бояться темноты), я обращала к небу короткие молитвы.

Господи, если Ты там, поговори со мной.

Господи, Ты меня любишь?

Пожалуйста, сделай так, чтобы я была счастлива.

Господи, я хочу, чтобы меня кто-то обнял.

Бывали вечера, когда мне казалось, что я слышу Его голос. Для этого приходилось сильно вытягивать шею. Я засыпала в тонком месте, словно в уютном коконе.

* * *

Иногда я сомневалась в том, что Бог меня любит и создал для счастливой жизни. Я искала Его везде. Неизбывная тоска проявлялась в ненасытной жажде получить одобрение других людей, в нескончаемых требованиях признаний в любви, которые я обращала к мужу, в мрачных подозрениях, что я ничтожество, недостойное любви Вседержителя. Иногда я чувствую себя маленькой девочкой, которая сражается со скорбями всего мира и надеется увидеть проблеск света в темных буднях. Я больше не натягиваю одеяло на голову. Похоже, встреча с Иисусом двадцать четыре года назад стала огромным событием для моего сердца. Она все еще продолжается. Иисус наклонился к кровати, стащил одеяло и освободил меня.

Иногда мне кажется, что некоторые стихи в Библии написаны специально для меня. Словно Святой Дух, диктующий слова писцам, пророкам и пастырям, с улыбкой вспомнил про меня и сказал: «Запишите, пожалуйста. Пройдет две тысячи лет, и Мэри это прочитает. Я говорю это специально для нее».

Павел выслушивает Его и записывает святые слова. Специально для меня. (А может быть, и для вас тоже.)

Посмотрите, братья, кто вы, призванные: не много из вас мудрых по плоти, не много сильных, не много благородных; но Бог избрал немудрое мира, чтобы посрамить мудрых, и немощное мира избрал Бог, чтобы посрамить сильное; и незнатное мира и униженное и ничего не значащее избрал Бог, чтобы упразднить значащее, — для того, чтобы никакая плоть не хвалилась пред Богом.

1 Кор. 1:26–29

Я не мудра. Но Бог все равно избрал меня.

Я не могущественна. Но Бог все равно избрал меня.

Я не происхожу из благородного рода. Но Бог все равно избрал меня.

Я глупа. Но Бог все равно избрал меня.

Я слаба. Но Бог все равно избрал меня.

У меня низкие помыслы. Но Бог все равно избрал меня.

Я достойна презрения. Но Бог все равно избрал меня.

Я ничтожна. Но Бог все равно избрал меня.

Я представляю, как Он смотрит на меня с небес, пока я почти прижимаюсь глазом к полу «студебекера» Джима, наблюдая за проносящимся подо мной безумным миром.

— Вот она! — кричит Он с небес. — Эта замарашка! Я выбрал ее, потому что она знает свои недостатки и мучается от ненасытной жажды найти отца. Когда-нибудь она придет ко Мне.

Я провожу рукой пятиклассницы по кирпичной стене у кабинета. В эту минуту Он знает, что меня ожидает долгая дорога сиротства и зияющая пустота в душе, причина которой — неутолимое желание.

Путешествие, начатое под половиком старой развалюхи, закончилось, когда мне исполнилось шестнадцать лет. Я узнала об Иисусе от руководителей организации «Новая жизнь». Они полюбили меня. Они рассказывали, как Иисус разговаривает с обычными людьми, ходит на рыбалку, исцеляет несчастных женщин (а мое сердце истекало кровью!) и высмеивает высокопарных ханжей. Я полюбила Иисуса, когда поняла, что Он готов остановить землю во имя любви к та-

ким, как я, — а я в то время подумывала о самоубийстве, чтобы избавить мир от своего присутствия. К Нему я обращала молитвы, которые шептала под одеялом. Такое чувство, будто президент США — далекий и ужасно важный человек — подошел к моей двери в сопровождении свиты, отвел пообедать в «Макдоналдс» и заказал «биг-мак» и картофель-фри.

Помню холодную ночь, когда я, всхлипывая, произнесла молитву под звездным одеялом.

Иисус, неужели это правда? Ты меня любишь? Ты хочешь быть со мной? Так приди же в мою жизнь! Возьми меня. Мне очень плохо. Надеюсь, Ты не пожалеешь.

Я проплакала все выходные напролет, орошая лицо, подушку и одежду слезами, которые давно копились внутри. Казалось, будто Иисус решил сначала отмыть меня добела. Но это не было похоже на экзекуцию чересчур старательной бабушки, которая намерена избавить дитя от микробов. Нет, мне казалось, что на измученную душу льется очищающий теплый дождь.

Той ночью Иисус омыл меня моими слезами. Или то были Его слезы?

Давид справедливо замечает: «Сеявшие со слезами будут пожинать с радостью» (Пс. 125:5). Мое путешествие началось, когда я восхищенно уставилась в дырку на полу. Оно продолжалось, когда Иисус омывал меня слезами. Оно еще не закончилось — после пути длиной в четверть века в неистовом ритме безумной, переменчивой жизни. Время от времени я кричала от радости. Все возвращается на круги своя — я стала женой заботливого мужчины, который души не чает в детях. Бог словно пошутил, когда подарил мне младшую дочь. Мы похожи как две капли воды. Она появилась на свет в День отца*.

* День отца (День отцов) — праздник, который впервые отметили 19 июня 1910 года в США. В 1966 году президент США Линдон Джонсон объявил третье воскресенье июня национальным праздником. Со временем и другие страны, где декларируется уважение к семейным ценностям, стали по примеру Соединенных Штатов отмечать этот день. — *Примеч. ред.*

Два человека проходят мимо друг друга
Почти девять лет.
Когда они встречаются,
Рождение протягивает руку Смерти,
Но та его не замечает.

Детям матерей-одиночек в День отца
Приходится несладко:
Ведь они наполовину сироты,
Тоскующие по любви отца.
Никто не утолит эту тоску.

Тридцать лет — это так долго,
Если бредешь по жизни,
Не опираясь на Его руку,
Не слыша Его слов
И уверений в любви.

Девять лет назад
Она закричала папе: «Привет!»
Она кричала и кричала — так громко!
Он сжал ее в объятиях.
Я растаяла.
Рассыпалась на кусочки.

Я не знала:
Моя дочь по праву рождения носит
Отцовскую любовь,
Словно ленту на сердце.

Но я ее чувствую.
Вижу.
Любуюсь со стороны.

Бог знает, я хотела,
Мечтала восстать из пепла.
Джулия появилась на свет в день скорби,
И радость проникла в разбитое сердце,
Она для меня — все.

Как ни странно,
Жизнь не исправишь
И не остановишь,
Даже если смерть забрала отца.

Возрождение — конец скорби.
Новая жизнь, крики, надежды
Мешаются с прошлой жизнью,
Слезами,
Разочарованиями.

О, Иисус, возрождающий жизни!
Спасибо Тебе за то, что
Одному не бывать без другого,
И в День отца
Ты плачешь вместе со мной.

Его тянули за бороду и
Терзали бедную плоть.
В то мгновение Отец умер.
История обратилась вспять.

Ты знаешь, что такое воскреснуть.
Возрождение — Твой замысел,
И Ты помог мне возродиться,
Когда в День отца
Дочь заплакала в моих объятиях.

В этом стихотворении чувствуется страдание, в котором я никогда не позволяла себе утонуть, хотя в моем сердце и оставалась пустота. Ее никогда не заполнит настоящий, земной отец. Однажды за ужином с близкими друзьями муж рассказывал, как отвез нашу дочь в студенческое общежитие. Поначалу университет ей не понравился. Зато у мужа и дочери появилось время, чтобы провести его вместе. Он поступил как любящий отец — помог ребенку выбрать место учебы. Потому что любит ее. Пока муж вспоминал об этом, я снова почувствовала тоску по отцу. Он никогда не приезжал в колледж, не знакомился с моим женихом, не шел по

церковному проходу, не резвился с внуками. Эта рана никогда не затянется.

В такие минуты я чувствую себя Иаковом. Я сражаюсь с Богом, потому что лишилась отца. Он нанес мне такой удар, что я превратилась в инвалида. Раны напоминают мне о верховенстве Бога и собственной уязвимости — в этом тонком месте я чувствую свое унижение. И все же я понимаю, что хоть и лишилась отца, Он достаточно велик, чтобы восполнить любую мою потребность. Мне больно, и эта боль, наверное, никогда не уйдет. Тем не менее я благодарна за то, что она привела меня к Нему.

М Э Р И - Д Ж Е Й Н

— Отдай отчиму, — хихикает двадцатилетний юнец. Парень одет в рваные джинсы и потрепанную футболку — так в начале семидесятых одевались все. Он сует мне косяк.

— Зачем? — спрашиваю я.

Он снова смеется и заговорщически переглядывается с другом. Потом наклоняется и смотрит на меня. Мне тогда было пять лет.

— Это душица, — объясняет он. — Забавный розыгрыш, да? — Он машет поддельным косяком у меня перед глазами, потом вкладывает в руку.

Я уже хорошо знаю, что такое травка. Марихуана. Дурь. Мэри-Джейн. План. Гашиш. Она растет в шкафу отчима под жужжащими лампами. Это красивое растение с ярко-зелеными листьями. Спустя годы, когда мне случилось попасть в кофешопы Амстердама, я сразу же мысленно перенеслась в маленький белый домик с удушающим сладким запахом. Никогда его не забуду.

Я наблюдаю за тем, как друзья родителей скручивают косяки: достают банку из-под кофе, берут щепотку коричневой трухи и насыпают на прямоугольник прозрачной бумаги. Потом лижут клейкую, как на конвертах, полоску и запечатывают самокрутку с травой. Тут и там вспыхивают зажигалки и спички. Приятели сбиваются в группки, со свистом втягивая дым. Другие набивают марихуану в трубки и бонги (да, в пять лет я была хорошо знакома со сленгом), и глаза их превращаются в узкие щелки. Они откидываются назад и смотрят в потолок. После каждого вдоха на губах расплывается улыбка.

Когда вечеринки становятся слишком буйными, я спасаюсь у себя в комнате. Однако моя спальня находится по пути в ванную, и потому мне так и не удается избавиться от людей,

которые вспыхивают зажигалкой, выдыхают сладкий дым, улыбаются, поют и кричат. Я накрываю голову одеялом, затыкаю уши пальцами и напеваю песни хиппи, чтобы заглушить какофонию. Я помню, как дрожала всем телом и забивалась в глубь кровати, чтобы оказаться как можно дальше от вечеринки, которая бесновалась в нескольких футах от меня. Я лежала тихо, будто мертвая, и надеялась, что никто меня здесь не найдет.

Порой я оставалась в гостинной. Смех эхом гулял под сводами белого домика. Некоторые гости пошатывались. Сквернословили. Горящий косяк с мундштуком передавали по кругу, и дым поднимался к потолку. Весельчаки входили в такой раж, что предлагали попробовать и мне.

— Давай, тебе понравится! — заплетающимся языком говорит один парень и надвигается на меня. Он выдувает дым мне в лицо.

Я кашляю.

Смотрю на дымящийся косяк. Один конец у него красный, другой мокрый оттого, что много людей прикасалось к нему губами. Я чувствую знакомый запах. Я уже заметила, что эта белая палочка делает взрослых сентиментальными и вызывает у них голод. Я отказываюсь. Тихо, чтобы другие не услышали и не решили, будто накачать наркотическим дымом пятилетнего ребенка — отличная идея, я передаю мундштук кому-то из взрослых и выхожу из комнаты.

У дома валяется несколько пакетов с травой, похожей на душицу. Я знаю, как выглядят семена марихуаны. Небольшие кусочки папиросной бумаги разбросаны повсюду. Забавно: на полу маленького белого дома они похожи на хлопья небесной манны.

Я смутно помню, как мы ездили в деревню. Это путешествие доказало, какой огромной властью обладает марихуана. Домик стоял на холме. У его подножия — широкое зеленое поле. Хиппи отрицали существующее мироустройство и потому не пользовались ни электричеством, ни центральным отоплением. Они освещали жилища керосиновыми лампами, а чтобы согреться, набивали печку в центре хижины срублен-

ными узловатыми ветками. Мужчины ходили полуобнаженными. У них были длинные пышные бачки и курчавые волосы под мышками. Женщины разделяли прямые волосы на пробор и украшали головы венками из маргариток.

Я спала с другими детьми хиппи, с которыми познакомилась, когда мы приехали в отпуск в хижину среди деревьев. Мы жили в тесноте и вечно сражались за место на полу и на кровати, чтобы поспать. Запах горячей травки преследовал нас повсюду. Родители предоставили нас самим себе и только и делали, что смеялись, танцевали, покачивались и вдыхали дым.

Маму укусило какое-то насекомое, и у нее развилась аллергия. Страшно бледная, она раскачивалась в гамаке перед хижинкой с повязкой на глазу. Не знаю почему, но я ужасно боялась, что она умрет. Такое у меня было предчувствие. Она — мой якорь в мире обкуренных хиппи. Меня страшило то, что меня ждет, если ее дыхание остановится.

Но она дышит.

К счастью, она дышит.

И пока я в безопасности.

* * *

В раннем отрочестве я как-то наткнулась на родительскую записку. Я уже отчаялась вырваться из оков постылой жизни и потому решила узнать, почему так много шумихи вокруг марихуаны. Возможно, косяк поможет мне примириться с жизнью, и я перестану мечтать о самоубийстве? А вдруг травка научит меня улыбаться? Я беру щепотку сухой травы и подношу к носу. О, этот запах, приторный земляной запах! Я бросаю щепотку травы в маленькую трубочку, поджигаю и, закашлявшись, вдыхаю дым. Я ни разу не курила обычные сигареты, но решила попробовать марихуану. А может, наоборот, эта она решила меня испытать? Что ж, толку было мало. Я не извела эйфории или умиротворения. Я не запрокинула с блаженной улыбкой голову, глядя в потолок. Меня измучил приступ кашля и чувство раскаяния.

Я физически ненавижу все, связанное с кокаином, марихуаной и другими наркотиками. В юности я всячески старалась

избегать их. Я не ходила на вечеринки. Не интересовалась дурью в колледже. Странилась людей, которые ее употребляли. Я боюсь наркотиков, потому что знаю, к чему они приводят. Они лишают людей здравого смысла и снимают все запреты. Люди совершают безумные поступки. Издеваются над детьми. Забывают о долге. Чувство, которое я испытываю при виде наркотиков, нельзя назвать паникой — это слово недостаточно сильное.

В колледже, прислушиваясь к советам Святого Духа, я решила, что должна подвозить людей, которые голосуют на дороге. Разве это не лучший способ помочь им и заодно поделиться вестью об Иисусе? Возможно, вам кажется, я поступала благородно, но на самом деле это было безрассудное решение. Однажды я рискнула. На перекрестке стояла женщина. Она бешено размахивала руками. Мне показалось, что ей требуется помощь, и я опустила стекло, чтобы спросить, куда ей нужно.

Я слышу ее крик. Замечаю знакомый безумный взгляд. Она что-то приняла. Женщина покачивается то на одной ноге, то на другой. Мне становится страшно. Я закрываю окно, но слышу ругательства, которые она выкрикивает, грозя кулаком серому небу. Я уезжаю с бешено бьющимся сердцем.

В тридцать лет у меня обнаружили камни в почках. Лохматый медбрат ухмыляется. Он всадил мне в вену целый шприц демерола*. Дозы хватило бы человеку в два раза тяжелее меня. Я сражаюсь с тиграми. Они рычат и с ревом бросаются на меня. Они так же реальны, как мое дыхание. Я очень часто дышу, но не могу набрать в грудь воздуха.

— Эй, не волнуйтесь! — обращается ко мне медбрат. — Расслабьтесь и наслаждайтесь. Сейчас начнется самое интересное. Разве это не кайф?

Избыток демерола лишил меня способности выражать свои мысли, но мне хочется закричать:

* Демерол — торговое название петидина или мепиридина; препарат является синтетическим опиатом, используемым для облегчения умеренных и сильных болей. — *Примеч. ред.*

— Именно поэтому я не употребляю наркотики, мистер Безумный медбрат! Я ненавижу кайф, ненавижу это состояние, ненавижу, когда теряю над собой контроль.

В аэропорту ко мне развязно приближается худая женщина и садится на стул между мной и незнакомым мужчиной. Я жду багаж. Ей, должно быть, около тридцати. Темные волосы гладко зачесаны назад, язык заплетается. Она улыбается, как безумный медбрат, а взгляд у нее такой же потерянный, как у женщины, которая голосовала на дороге. Незнакомка путешествует с металлическим кейсом. Он со стуком падает на плиточный пол.

— Привет! — громко говорит она. Кажется, все в зале ее слышат. — Как меня все достало. — Она выпускает длинный вздох. — Я визажист. — Очки на голове соскальзывают назад. Она пытается их поймать, но не успевает. Женщина хватает меня за руку и выкрикивает ругательства. Я понимаю, что она не сумеет найти очки, достаю их из-за сиденья и подаю ей.

Она набирает на мобильном телефоне чей-то номер и снова сквернословит.

— Не знаю, где я! — орет незнакомка. — А ты где?

Мы с сидящим поблизости мужчиной обмениваемся недолгими взглядами.

Незнакомка оглядывается по сторонам, но, очевидно, нигде не видит своего друга.

— Эй! — кричит она. — Я сейчас встану и такое устрою!

Ее собеседник отвечает что-то, и это заставляет ее вновь разразиться ругательствами.

— Багаж выдают у десятого транспортера? А я у седьмого... шестого... или восьмого. Не знаю. — Она наклоняется и вопит: — Где, черт побери... где десятый транспортер? Кто-нибудь знает? — Люди встревоженно глазят на нее с безопасного расстояния.

Я объясняю, где нужно ждать багаж. Она хватает меня за руку, пошатываясь, поднимается и складывает ладони, словно в молитве.

— Простите за беспокойство, — бормочет женщина, — надеюсь, я вам не помешала.

— Ничего страшного.

— Понимаете, я столько работаю, а мне суют сто долларов! Этого мало! Надо было просить больше, правда? — Она смотрит на своего соседа и заявляет: — Я много работаю, но по зарплате этого не скажешь.

Он отводит взгляд. Женщина вновь переводит глаза на ленту транспортера.

— Ну, до свидания, — говорит она, — и спасибо. — Она хватается мою сумку. — Это моя?

— Нет, моя.

— Что ж, всего хорошего.

Я молюсь за эту женщину, пока она, спотыкаясь, пробирается сквозь толпу. И все же мне страшно. Ее глаза и нечленораздельная речь снова превращают меня в пятилетнюю малышку, которая пряталась под одеялом, пока взрослые скручивали косяки и передавали их по кругу. Я надеялась, что никто не заметит меня и не обидит. Тогда я лицом к лицу сталкивалась с потерявшими самообладание людьми, которые выплясывали свой безумный танец страсти с наркотиками.

Как ни странно, запах марихуаны переносит меня в тонкое место, потому что напоминает о хрупкости жизни и моих отчаянных попытках скрыть боль. Я тоже могла бы стать такой, как эта женщина, я близко подошла к этой границе, я могла бы превратиться в несчастную потерянную душу, забывшую о добродетели.

Моя марихуана — милость Господа. Любовь Господа. Он спас мне жизнь. Спас во всех смыслах этого слова.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение. Удивительная могила.....	4
1. «Студебекер».....	8
2. Мэри-Джейн.....	17
3. Снимок.....	23
4. Кроватка.....	32
5. Зависть.....	38
6. Забор.....	45
7. Записка.....	52
8. Хочу нравиться.....	56
9. Медленный танец.....	68
10. Поцелуй.....	74
11. Замарашка.....	80
12. Самовлюбленность.....	87
13. Пение.....	93
14. Развод.....	97
15. Поэзия самоубийства.....	104
16. Стыд.....	108
17. Бурная реакция.....	116
18. Конан.....	122
19. Боб.....	127
20. Меркантильная особа.....	133
21. Знамения.....	143
22. Дети.....	148
23. Джим Элиот.....	152
24. Крепкое здоровье Блита.....	159
25. Бегство.....	162
26. Расследование.....	166
27. Алкоголь.....	170
28. Меченая.....	175
Заключение. Удивительная жизнь.....	182
Благодарности.....	189
Примечания.....	190